

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.81>

Шогенова Марина Чашифовна

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФРАГМЕНТ ТЕЗАУРУСНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНСКОГО И БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В соответствии с целью работы - определение концептуальной основы специфики этнокультурного фрагмента (ЭФ) тезаурусного уровня языковой личности (ЯЛ) - представленный лингвистический материал направлен на обоснование мысли о том, что ЭФ - это совокупность этнически маркированных когнитивных языковых моделей, формирующихся в сознании носителя языка как результат закономерностей репрезентации мира в процессе его эмоционально-чувственного, архетипического, религиозного и нравственно-философского восприятия и осмысления действительности.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2019/11/81.html](http://www.gramota.net/materials/2/2019/11/81.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 386-390. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2019/11/](http://www.gramota.net/materials/2/2019/11/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

## HYPOTHETICAL-DEDUCTIVE METHOD TO DESCRIBE METONYMY IN THE SPHERE OF VERBS OF SPEAKING

Chaplin Evgenii Vladimirovich

Moscow City University

evgenychaplin@yandex.ru

The article provides a survey of the existing approaches to understanding metonymy through the prism of cognitive linguistics. Special attention is paid to studying metonymy as a cognitive-semantic mechanism, as a principle of nonrandom relation and as a basis of translation strategy. The author proposes an approach based on a hypothetical-deductive method, semantic and corpus-based experiments. Relying on experiment results, the researcher clarifies the semantics of certain verbs of speaking and introduces a classification of metonymic transfers in the sphere of the predicates representing a speech act.

*Key words and phrases:* metonymy; metaphor; cognitive-semantic structure; metonymic transfer; domain; principle of nonrandom relation; verbal metonymy; verbs of speaking.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 05.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.81>

*В соответствии с целью работы – определение концептуальной основы специфики этнокультурного фрагмента (ЭФ) тезаурусного уровня языковой личности (ЯЛ) – представленный лингвистический материал направлен на обоснование мысли о том, что ЭФ – это совокупность этнически маркированных когнитивных языковых моделей, формирующихся в сознании носителя языка как результат закономерностей репрезентации мира в процессе его эмоционально-чувственного, архетипического, религиозного и нравственно-философского восприятия и осмысления действительности.*

*Ключевые слова и фразы:* языковая личность (ЯЛ); этнокультурный фрагмент (ЭФ); концептуальная основа; когниция; тезаурусный уровень.

**Шогенова Марина Чашифовна**, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

shog-marina@yandex.ru

### ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФРАГМЕНТ ТЕЗАУРУСНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНСКОГО И БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Проблема выявления специфики развития языковой личности (ЯЛ) относится к одной из значимых в современной антропоцентрической парадигме и является актуальной в лингвистических научных изысканиях, среди которых вопрос определения этнокультурных особенностей языковой личности представляется огромным исследовательским полем. Статья посвящена рассмотрению этнокультурных характеристик языковой личности, представляющей современную Кабардино-Балкарию, в которой, несмотря на сосуществование в единой пространственной и временной системе многообразных типов культур и традиций, титульные народы – кабардинцы и балкарцы – стремятся к максимальному сохранению этнической самобытности, традиций, культуры, языка, утверждению собственного мироощущения и мировидения. По словам О. Р. Тучиной, «этническая культура – это та призма, сквозь которую человек смотрит на мир... именно этнокультурная традиция во многом определяет особенности бытия человека, его систему личностных смыслов» [12, с. 220].

**Актуальность** рассмотрения языковой личности с позиции такого аспекта связана с когнитивной деятельностью человека, результаты которой отражаются на процессах концептуализации мира и вербализации знаний именно в этническом сознании человека, так как культура, рожденная в национальных недрах, представляется мощным средством самовыражения, способом проявления человеком своей значимости в окружающем мире, статуса и идентичности в многообразном пространстве человеческого бытия. Однако важно определить показатели выявления этнокультурного фрагмента в структуре языковой личности как результата ее когнитивной деятельности, репрезентированной в языке в виде культурно обусловленной системы ценностей. Следовательно, **научная новизна** заключается в том, что впервые делается попытка рассмотреть этнокультурный фрагмент лингвокогнитивного (тезаурусного) уровня в структуре адыгской и балкарской языковой личности как их ценностной духовной концепции, выявить критерии определения «этнокультурности» в конструкции ЯЛ, формирующейся и развивающейся в Кабардино-Балкарии. В связи с этим в работе ставится **цель** – рассмотрение концептуальной основы выявления специфики этнокультурного фрагмента (ЭФ) тезаурусного уровня ЯЛ, представителя кабардинского и (или) балкарского народов, титульных наций Кабардино-Балкарии. Указанная цель определяет **задачи** исследования: на материале адыгской и балкарской языковой личности 1) рассмотреть языковые единицы, зафиксированные в мышлении языковой личности как концепты культуры, в которых эксплицируется специфика репрезентаций результатов ее когнитивного осмысления окружающего

мира; 2) определить критерии оценки этнокультурного фрагмента («этнокультурности») конструкции языковой личности. **Практическая значимость** работы обусловлена возможностью применения предложенной модели (принципа) определения этнокультурного фрагмента в структуре языковой личности в исследовании специфики формирования и развития современной ЯЛ в зеркале собственной культуры.

В работе усиливается тезаурусный (лингвокогнитивный) аспект изучения ЯЛ, с которого, по мнению Ю. Н. Караулова, начинается «собственно языковая личность» [7, с. 53] и «первый уровень (после нулевого) ее изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе» [Там же, с. 36]. Взаимообусловленность и связь между понятиями об окружающем определяют единицы тезауруса, понимаемого как «способ организации знаний о мире» [Там же, с. 172], что детерминировано преимущественно этническим аспектом изучения языковой личности и представляет собой богатый исследовательский материал для комплексного представления уникального и специфичного в структуре ЯЛ. Такой подход предопределяет уточнение термина *языковой личности* и этнический аспект ее исследования: в работе рассматривается этнокультурная языковая личность как обобщенный образ носителя этнического языка и этнической культуры, обладающего теоретическими и практическими компетенциями в культурно-языковой системе этноса, воплощающего в себе результат его когнитивного опыта, основанного на специфике отражения объективного мира в субъективном сознании.

В связи с этим подчеркиваем ценность этнокультурного фрагмента в структуре каждой языковой личности как результата совокупности когнитивных принципов постижения окружающего мира, репрезентированного в языковые модели. Считаем, что такие знания подчинены единой этнической координате, которая предопределяет особенности развития тезаурусного (лингвокогнитивного) уровня отдельной языковой личности. На наш взгляд, универсальными, но в то же время отличающимися подчеркнутым этническим индексом являются: а) эмоционально-чувственный способ познания; б) архетипическое восприятие действительности; в) религиозный принцип осмысления реальности; г) нравственно-философское мировосприятие. Материалом для обоснования данного тезиса явились лексические единицы, экспликация которых в речи носителей кабардинского и балкарского языков позволяет осмыслить специфику этнокультурного фрагмента в структуре языковой личности. Рассмотрим эти особенности.

*Эмоционально-чувственный фрагмент в структуре языковой личности.* В контексте работы поддерживается тезис о том, что эмоции – это явления культуры и выступают как когнитивно-оценочные маркеры в этническом сознании и этнической языковой картине мира. Эмоции – отражение особенностей этнокультурного миромоделирования, в котором определяется ментальный характер личности, сохраняются универсальные и этнические представления (ценности) эмоционального восприятия действительности. Эмоционально-чувственный фрагмент в структуре языковой личности – это совокупность культурно обусловленных универсальных и национально маркированных характерных чувств, которые определяют этнический характер как принципиальный элемент традиционной культуры. По словам А. П. Седых, «эмотивность воздействует на систему представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре значения языковых единиц, коррелирующих с эмоциональным состоянием человека» [11, с. 110]. Например, наблюдения показывают, что слово *душа* как базовое понятие разных культур обладает спецификой сочетаемости и семантики, а его языковая экспликация не всегда точно интерпретируется человеком иной культуры. В частности, в речи адыгской языковой личности для выражения эмоции негодования, несогласия, возражения часто используются фразы *уи адэм и псэц!* *Уи адэм и бынищи ар!* (каб.) – букв.: *это душа твоего отца! это дети твоего отца* (здесь и далее перевод автора статьи. – М. Ш.); *уи псэц ар, уи адэм и псэц ар* (каб.) – букв.: *это душа твоя, это душа твоего отца*. При буквальном переводе трудно правильно понять их смысл как эмоциональное выражение упрека и недовольства; то же и при выражении чувства крайней опасности, что возможно передать фразой *псэ зэтыльхьэп!эц* (каб.) – букв.: *переход души из одного состояния в другое*, в которой усиливаются концепты *жизнь* и *смерть*. Подобные факты имеют место быть и в балкарском языке. Так, чувство чрезмерной боязни балкарская языковая личность может передать фразой *жанын ууучха жыяргъа* (балк.) – букв.: *собрать душу в кулак*, что обуславливает призыв человека преодолеть чувство страха; а в словах *жаны жер бла тенг болургъа* (балк.) – букв.: *душа сровнялась с землей*, что употребляется в значении «быть крайне печальным, расстроеным, невозможность подняться выше земли», наблюдается концептуализация оппозиции *верх* – *низ*, а состояние душевной радости, наоборот, балкарская языковая личность сравнивает с ощущением высоты – *тёптеси кёкге жетерге* (балк.) – букв.: *макушка доходит до небес*. Такие уникальные выражения представляются как минимальный культурный текст, передающий мировосприятие этноса, позволяют увидеть разную степень проявления особенностей эмоционального выражения схожих чувств и переживаний, что детерминирует формирование языковой личности с разной степенью эмоциональной индексации. Следовательно, справедливо считать, что важным индикатором языковой личности является эмоциональная характеристика человека как показатель его этнического и культурного содержания, что именно эмоциональное и чувственное восприятие, отложенное в языке, дает возможность выявлять многие типичные, исторически сформировавшиеся особенности этнического образа мира.

*Архетипический фрагмент в структуре языковой личности.* Архетип, как известно, это прообраз чего-либо, его первоначальное представление, основной, базовый уровень ментальности. Будучи первичным культурным слоем, отражающим коллективное мировосприятие, архетипы закладывают постоянные паттерны (модели), которые предопределяют духовную культуру этноса. В архетипах сосредоточен коллективный опыт, способность человека обрабатывать, хранить и репрезентировать хотя и спонтанные, но устойчивые

представления о мире, которые способствуют культурной преемственности поколений. Архетипы, по мнению Е. Ю. Воробьевой, представляют собой всеобщие образы поведения и мышления, универсальные образцы коллективного бессознательного, трансцендентальную схему, в которой запечатлен опыт рода, помогающий культурам поддержать связь со своими истоками [2, с. 55]. Например, базовым, но в то же время уникальным и специфичным для карачаево-балкарского народа выступает этнокультурный архетип *гора*, номинированный лексемой *Минги Тау* (балк.) – Эльбрус (*Вечная гора*). Архетип *гора* является отражением в сознании народа ощущения причастности к природе, местам, где он родился и живет, которые дают ему жизнь, воспитывают, формируют его характер. Неслучайно самоназвание балкарцев сопряжено с лексемой «таулу», что в переводе означает «житель гор». В исследованиях М. Ч. Джуртубаева находим выводы о том, что гора Эльбрус в карачаево-балкарском эпосе характеризуется как: 1) мировая гора с источником бессмертия на вершине; 2) место деятельности прародителя нартов, кузнеца Дебета; 3) место хранения нартских сокровищ; 4) место, где вырос герой эпоса, внук Дебета – Карашауай и где рождается его конь – крылатый Гемуда; 5) изначальное место жительства нартов [3, с. 49]. В модели мира, отраженной в художественной словесности на балкарском языке, архетип *гора* служит, пожалуй, основным средством экспликации и репрезентации этнокультурных особенностей когнитивного мышления балкарской языковой личности. В архетипическом сознании гора выступает объектом преклонения, уважения и величественного образа, этническим зеркалом, в котором отражается вся история и судьба народа, а потому очевидно, что идея свободолобного, гордого, мужественного балкарского народа восходит к горам: «*Ехтем Малькъарым тауну этегинде! Кишилик да бар, халаллык да сенде. Мурсанг окъун, гюлча, ариу хар тикде*» [5, с. 222]. / букв.: *Гордая Балкария у подножия гор! И мужество в тебе, и доброта. И даже крапива, как цветок, красива на каждом склоне.* Лингвокультурема *гора* в этническом сознании балкарской языковой личности закреплена как архетипическая база утверждения и нравственных культурных ценностей балкарского народа. Например, подчеркнуто уважительное отношение к старшим, что является в балкарской культуре неотъемлемым принципом воспитания личности, выражается при помощи метафорической экспликации именно архетипа *гора*: «*Эски таулу адетле – таидан, таудан да къаты. Таудан, жьырдан да бийик намысы мында къартны. Къарт сёлеши, тыгыла, сюелип, дып демейни. Кимди намыс алагъан, къартха намыс бермеён?!*» [Там же, с. 146]. / букв.: *Старые балкарские обычаи сильнее, чем камни и горы. Здесь уважение к старшим выше, чем горы и песни. Если говорит старший, слушай, стой, не шевелясь. Кто заслужит уважение, не уважив старшего?!; лучшие нравственные качества воспитывают именно горы: Адамынгы адамлыгы – бийкде* [Там же, с. 222]. / букв.: *Человечность людей – на высоте; архетип гора* помогает человеку передать искренность своих чувств: «*Сени къатында болсам, жюрегим Чыгъады тау тёпелеге...*» [8, с. 59]. / букв.: *Когда я рядом с тобой, сердце Возвышается к горным вершинам.* Как видно, в этническом сознании балкарцев архетип *гора* является векторной линией в выработке и сохранении таких доминирующих национальных качеств, как нравственность, духовная и физическая стойкость, терпеливость.

Архетипы репрезентируют нравственные ценности, этнокультурные идеалы, матрица которых проецирует в сознании языковой личности этнокультурные константы как доминирующие идеи на протяжении длительного этнического времени. Таким концептом-архетипом может стать, например, и образ богатыря-нарта. В классических текстах обращение языковой личности к специфическим признакам своего народа помогает сохранить национальный колорит и передать его в стереотипных моделях мировосприятия и поведенческих реакциях как следствие проявления ментальности, совокупности признаков национального характера. Например, обращение к образу нарта и его коню в кавказской культуре, в том числе и адыгской, всегда носит положительный, мотивированный характер и утверждает идеальный образ горца: «*...нартыжь и щыкIэу, моуэ цувыкIи Бийм я нэхейкIэ бжьэ къыуатар гъэцIей!*» [9, с. 9]. / букв.: *как нарт, выйди и выпей назло врагам; «...шагъдий мыгъасэми гъацIэр Шууейхэм Iэсэ яцIыф... Ауэ пхуаIыгыну уи шхуэIур...*» [Там же]. / букв.: *если даже жизнь как необузданный конь, всадники могут ее обуздать... но сможешь ли его удержать; «...Хуэмыхур алп ушэсын плъэкIами, дауэ уанэгум Уэ укъымышуу уисын?»* (каб.). / букв.: *будучи ленивым, сможешь сесть на коня, но сможешь ли усидеть, когда он вознесет тебя на небо?*

Таким образом, архетипические признаки, зафиксированные в языке, конечно, могут исчерпать себя со временем, однако многие из них все еще не теряют своей значимости и часто употребляются в текстах, созданных как адыгской, так и балкарской языковой личностью, и усиливают привязанность человека к этнической культуре. Подобные архетипы содержат совокупность актуальных для этноса образных определенных скрытых смыслов, которые в истории народа закрепили за собой константные отличительные признаки, а потому они узнаваемы в языке и культуре.

*Религиозный фрагмент в структуре языковой личности.* Религия и язык относятся к тем показателям, которые определяют менталитет народа, содержание и направление его культуры поведения и представления. Считаем, что религия – часть духовной культуры, структурный эпизод в этнокультурном фрагменте языковой личности. Осмысление мира сквозь призму религии, стремление объяснить окружающий мир и самого себя посредством религиозных концептов дают ключ к пониманию специфики мироощущения и языкового мышления конкретного этноса и личности. Религиозное осмысление мира – это не отдельное мировосприятие, это часть общей когнитивной деятельности человека, этноса, этноса в процессе накопления опыта и развития собственной культуры. По мнению И. В. Зыковой, религиозное мировосприятие представляет собой еще одну крайне важную форму систематизации знания и опыта, полученных в ходе постижения человеком мира, оно является очередной весьма значимой «систематизирующей информационной сеткой», отражающей новое (или иное)

понимание человеком действительности и самого себя, фиксирующей формирование нового (или иного) представления человека о мироздании и о своем месте, своей роли в нем [6, с. 123]. Религия – часть духовной жизни, а потому внутренняя потребность человека. Религиозные правила регулируют его духовную жизнь в соответствии с нравственными и этическими нормами, благими целями и моральным долгом. Так, в этнической культуре кабардинцев и балкарцев в разных жизненных моментах (начало какого-либо дела, сложной ситуации, эмоциональной ситуации страха и т.п.) употребляется выражение на арабском языке *Бисми ляхи ррахмани-ррахим* (араб.). / букв.: *Во имя Аллаха, милостивого и милосердного*, которое звучит как молитва. Почитание Бога (Аллаха) практически во всех религиях понимается не как слепое повиновение, а представляется системой воспитания человека, так как жить с религией в сердце – значит творить добро, *псанэ* (каб.), *сууап* (балк.), но не для внешнего признания, а во благо особенно тому, кто в этом нуждается. В балкарской культуре, например, призывается следовать принципам *Сууаплыкьда марда жокь* (балк.). / букв.: *Когда делают благо, меры не бывает; Сууап ал да, суугьа ат – Халкь кермесе да, балыкь кёрюр* (балк.). / букв.: *Соверши доброе дело (благо) и выброси его в воду – если народ не увидит, так увидит рыба*.

Отличительным признаком в речи современной языковой личности кабардинца и балкарца становятся и элементы вкрапления слов и выражений из арабского языка, что демонстрирует ее (личности) причастность к религии. Так, частыми стали слова *машаллах* (реплика, чтобы восхититься и не сглазить), *иншаллах* (эмоциональное восклицание в знак преклонения Аллаху), *сухур* и *ивтар* – утренний и вечерний прием пищи, этикетное приветствие *Ассалам алейкум* (причем в речи и мужчин, и женщин) и др. Весьма актуальна фраза, утверждающая волю Аллаха на все события в жизни смертного человека: *Алыхьым цухам – зыри пхуецІэнукьым* (каб.). / букв.: *Если так решил Аллах – ничего не поделатъ; дунейр хьэхуц* (каб.) – *жизнь человека на земле временная, взятая в долг; Адам дан къадар кючлю, Къадардан ийман кючлю* (балк.). / букв.: *Судьба сильнее человека, Но вера сильнее судьбы; Адам кермесе да, Аллах кёреди* (балк.). / букв.: *Человек может и не видеть, но Аллах видит все; человек не может что-либо скрыть от Бога; Алыхьым псори ельагьу* (каб.). / *Аллах видит все; Алыхьыр пІащІэркьым* (каб.). / *Бог не торопится*.

Таким образом, религия как целостная культура, репрезентированная в устойчивые языковые модели, составляет значимый пласт в этническом фрагменте ЯЛ хотя бы потому, что это своеобразная, весьма актуальная форма освоения мира и духовного постижения самого себя, в том числе и этнического «я».

*Нравственно-философский фрагмент в структуре языковой личности.* Нравственно-философский фрагмент представляет собой, пожалуй, самый главный, ядерный пласт в структуре языковой личности, так как в ее базе, основе формируется обобщенный этнокультурный идеал народа как воплощение и отражение ментальной морально-духовной ценностной системы вербализованных и концептуализированных знаний и идей о нормативных способах этнического поведения, в том числе и языкового (речевого). Так, основной этнической идеей, постоянно действующей ценностью вне времени и пространства в системе адыгской нравственной мысли, наряду с *почтительностью (нэмыс)*, *разумом (акьыл)*, *мужеством (лыгьэ)* и *честью (напэ)*, считают *адыгагьэ (человечность)* как «самую первую заповедь и характерную черту адыгства» [1, с. 16]. Такая нравственная система носит устойчивый, константный этнический характер и репрезентируется в речи языковой личности, носителя адыгской культуры и языка. В частности, внимание к звучащей речи и лингвистический материал позволяют показать, что многие нравственно-оценочные признаки *адыгства (адыгагьэ)* как нравственного кодекса кабардинского народа и сегодня не потеряли своей значимости и активизируются в речи современной адыгской языковой личности. Например, соблюдение *адыгства (адыгагьэ)* является определяющим признаком в речи современного носителя языка: «...абы и деж нэху дыкьыщекІынуц, – жиІац ДыгьэцІыкІу, – гулытэ, адыгагьэ зэрыхэлыр и напцІэ трильхэну зэрыхэмыт макькІэ» [9, с. 16]. / букв.: «...у него переночуем, – говорит Солнышко, – подчеркивая, что не собирается спать, так как в ней есть внимание и адыгство; оценочная парадигма в контексте соблюдения и нарушения правил *хабзэ* (обычай) *адыгства*: «Іэхьуэм и акьыл кьызэрихькІэ шум хабзэниагьэ цІилэжьсам егупсысырт. Дауи, ар адыгэу кьыщІэкІынкьым. Адыгэ гу адыгэ хэку Іэхьуэ нэмылль цытцІынкьым, ар хьэкьц...» [Там же, с. 8]. / букв.: *Пастух думал о нарушении всадником хабзэ. Скорее он не адыг? Вряд ли сердце адыга проигнорирует на адыгской земле пастуха...; «атІэ, мыадыгэмэ... хабзэ ещІэри»* [Там же]. / букв.: *если не адыг, но откуда знает хабзэ; «Іэу, ДыгьэцІыкІу, хабзэр-цэ?»* [Там же, с. 15]. / букв.: *Ой, Солнышко, а как же хабзэ?; «Хабзэр-цэ, Іэу. Мис апхуэдэу ди хабзэр»* [Там же, с. 16]. / букв.: *А как же хабзэ? Такой наш обычай; «...абы кьыхалхьа хабзэрэ акьылрэт цІыхум зэрахэтар»* [Там же, с. 22]. / букв.: *Воспитанные в нем хабзэ и ум помогали ему жить*. Как видно, стереотипный образ *адыгства* – это яркий показатель духовно-нравственной силы человека, критерий понимания его жизни в соответствии с совершаемыми поступками, делами и практиками; это высокая оценка личности в контексте не только его принадлежности к определенному этносу, но и статуса человека. Лексема *адыгство (адыгагьэ)* (каб.) не имеет прямого лексического перевода в русском языке, что обуславливает необходимость его объяснения как совокупности знаний, отраженных в этническом (адыгском) сознании. Когнитивная интерпретация идеи *адыгагьэ* выявляет когнитивные признаки, репрезентирующие нравственные качества, которые свойственны представителям адыгского этноса.

Этническое мировоззрение и сознание балкарского народа изложены также в этическом кодексе «Ёзден Адет» (балк.), по словам М. Ч. Джуртубаева, «это не просто список правил поведения, это этический кодекс; этическое начало составляет основу мировоззрения наших предков...» [4, с. 14]. Содержание подобных памятников – это воплощение когнитивного сознания конкретного этноса, особенности его мироощущения, восприятия, понимания, оценки окружающей действительности, приобретения, осмысления, отбора и накопления

знаний, формирующих целостную картину мира сквозь призму субъективной рефлексии. Это этическая система, которая является своеобразной идеей мышления и главным стержнем, к которому прирастает каждый представитель балкарского народа. Емкими понятиями, характеризующими нрав балкарца, его образ и мышление, являются лексемы *тау намыс* (балк.) – *горский обычай*, *намыслы* (балк.) – *достойный*, *адамлыкъ* (балк.) – *человечность*. Такие концепты относятся именно к тем категориям лексических единиц, устойчиво занимающих место в когнитивном сознании этноса, которые составляют, по словам В. П. Нерознака, «концепты национальной культуры», понимаемые как «безэквивалентная лексика, или то, что обычно называют “непереводимое в переводе”, на материале которого и следует составлять списки фундаментальных национально-культурных концептов» [10, с. 85]. Без сомнения, нравственный фрагмент, воплощенный в подобных кодексах, носит устойчивый, константный этнический характер и репрезентируется в речи современной языковой личности, носителей адыгской или балкарской культуры и языка, и выступает особым этническим индексом определения тезаурусного уровня языковой личности.

Обобщая материал, **закключаем**, что экспликация языковых единиц, зафиксированных в мышлении кабардинской и балкарской языковой личности, позволяет понять специфику репрезентаций результатов ее когнитивного осмысления окружающего мира как отражение знаний в языке. Очевидно, что подобный процесс обуславливает структурирование знаний на основе понятий, идей, концептов в иерархически координативное семантическое поле, определяемое как этническая картина мира. Однако на тезаурусном уровне ЯЛ возможно выявить и другой принцип структуриации, подчиненный корреляционной связи между концептами (идеями, представлениями) как результатами когнитивной деятельности. В связи с этим полагаем, что критериями определения тезауруса языковой личности в контексте специфики этнического мировосприятия являются особенности мировосприятия и получение знаний сквозь призму эмоционально-чувственного мироощущения, архетипического способа осмысления, религиозного принципа познания действительности и нравственно-философского видения. Каждый из этих принципов осмысления и отражения мира обуславливает и актуализирует этнический пласт в структуре ЯЛ, понимаемый как совокупность этнически маркированных когнитивных языковых моделей, формирующихся в сознании носителя языка как константные непреходящие ценности этноса, утверждающие его уникальность и неповторимость.

#### Список сокращений

каб. – кабардинский язык  
балк. – балкарский язык

#### Список источников

1. **Бгажноков Б. Х.** Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
2. **Воробьева Е. Ю.** Бинарность и ее архетипические основания: дисс. ... к. филос. н. Омск, 2005. 130 с.
3. **Джуртубаев М. Ч.** Карачаево-балкарский героический эпос. М.: Поматур, 2003. 288 с.
4. **Ёзден Адет: этический кодекс карачаево-балкарского народа** / сост. М. Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 2005. 576 с.
5. **Зумакулова Т. М.** Избранное: в 2-х т. / на балк. языке. Нальчик: Эльбрус, 1989. Т. 2. 344 с.
6. **Зыкова И. В.** Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое: монография. М.: URSS, 2011. 368 с.
7. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.
8. **Кулиев К. Ш.** Собрание сочинений: в 6-ти т. / вступ. ст. З. Х. Толгурова; на балк. языке. Нальчик: Эльбрус, 2007. Т. 1. Стихотворения 1934-1962. 552 с.
9. **Мафедзев С. Х.** Достойны печальной песни: роман / на каб. языке. Нальчик: Эльбрус, 1991. 448 с.
10. **Нерознак В. П.** От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1998. С. 80-85.
11. **Седых А. П.** Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 6 (125). Вып. 13. С. 108-115.
12. **Тучина О. Р.** Самопознание личностью этнокультурной идентичности в разных условиях бытия: дисс. ... д. психол. н. Краснодар, 2014. 516 с.

#### ETHNO-CULTURAL COMPONENT OF LINGUISTIC PERSONALITY'S THESAURUS LEVEL (BY THE MATERIAL OF THE KABARDIAN AND BALKAR LANGUAGES)

**Shogenova Marina Chashifovna**, Ph. D. in Philology  
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik  
shog-marina@yandex.ru

In line with the research objective, which includes identifying a conceptual basis for the formation of the ethno-cultural component of a linguistic personality's thesaurus level, the provided linguistic material illustrates a proposition that the ethno-cultural component is a set of ethnically marked cognitive linguistic models established in a native speaker's consciousness in the process of emotional and sensual, archetypal, religious, ethical and philosophical perception and conceptualization of reality.

*Key words and phrases:* linguistic personality; ethno-cultural component; conceptual basis; cognition; thesaurus level.